

ГЛАВА 1

Приблизительно в середине семнадцатого столетия на окраине крохотного, но укрепленного городка Тернез¹, расположенного на правом берегу Шельды, почти напротив острова Вальхерен, можно было увидеть стоявший впереди редких и еще более неказистых построек маленький, но опрятный домик, сложенный в полном соответствии со вкусами тогдашнего времени. Фасад его сколько-то лет назад раскрасили в сочный оранжевый цвет, а окна и ставни были раньше ярко-зелеными. Футах в трех над поверхностью земли стены этого домика украшала плитка и синее чередовалось с белым. Вокруг располагался небольшой сад, около двух рудов² площадью, если мерить нашими мерками, а вдоль садовых деревьев шла низкая живая изгородь из бирючины, окруженная канавой — полной воды и слишком широкой, чтобы с легкостью ее перепрыгнуть. Там, где канава подступала к фасаду, через нее перебросили узкий мостик с узорчатыми железными перилами, дабы гости ненароком не упали в воду. Впрочем, цвета, некогда столь яркие и свежие, давно поблекли, а признаки неизбежного обветшания можно было разглядеть в оконных рамах, дверных косяках и прочих деревянных частях строения,

---

¹ Так у автора. Правильно — Тернёзен. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² Руд — единица площади в английской системе мер; 2 руда составляют около 2,1 м².

а многие плитки, как белые, так и синие, повыпадали, и никто не спешил заполнить бреши. Прежде дом явно окружали заботой, а ныне, что представлялось столь же очевидным, он пребывал в небрежении.

Внутри дома, на нижнем этаже и наверху, имелось по две большие комнаты в передней части и по две меньшие в задней, причем большие комнаты могли считаться таковыми лишь в сравнении с малыми, ибо каждая была от силы в дюжину футов площадью и с единственным окном. Верхний этаж, как положено, отводился под спальни; внизу малые комнаты теперь использовались в качестве помывочной и кладовки для хвороста, а одну из больших приспособили под кухню и обставили поставцами, с полок которых сверкала, будто ее посеребрили, металлическая кухонная утварь. Само помещение выглядело дочи́ста выскобленным, но мебель и утварь оставляли ощущение запущенности. Доски пола слепили белизной и казались на удивление светлыми — ступить боязно, того и гляди запачкаешь. Крепкий сосновый стол, два стула с деревянными сиденьями и маленькая кушетка, очевидно спущенная сюда из спальни наверху, — вот и вся мебель, что составляла обстановку комнаты. Другая передняя комната на этаже служила гостиной, но каково было ее убранство, оставалось неведомым, ибо вот уже почти семнадцать лет туда никто не заглядывал, и весь этот срок комната была наглухо заперта, даже от обитателей жилища.

В кухне, которую мы описали выше, находились двое людей. Женщине, по всей видимости, совсем недавно перевалило за сорок, но тяготы и муки ее преждевременно состарили. Прежде она явно поражала красотой, о чем все еще можно было судить по правильным чертам лица, благородному челу и большим темным глазам, но в ее облике просматривались усталость и угнетенность, придававшие коже восковую прозрачность; лоб, когда она размышляла, бороздили глубокие морщины,

точно у древней старухи, а лихорадочный блеск глаз по-неволе заставлял порой усомниться в ее душевном здоровье. Чудилось, что внутри нее поселилась и не желает уходить некая безнадежная тоска, ни на мгновение не исчезающая из памяти; пожалуй, от этого бремени страданий избавиться могла только смерть. На женщине был вдовый наряд, принятый в ту пору, и эти одежды, чистые и опрятные, смотрелись ветхими от долгого ношения. Она сидела на кушетке, о которой уже говорилось, и никто бы не усомнился в том, что эта поза приносит ей облегчение в ее болезненном состоянии.

На сосновом столе посреди комнаты устроился цветущего вида светловолосый юноша лет девятнадцати или двадцати. Черты его были приятными глазу, телосложение — крепким, а движения — порывистыми; взгляд выражал отвагу и решимость. Он беззаботно болтал ногами и громко насвистывал песенку. Всякий сразу угадал бы в нем дерзкую, предприимчивую и бесшабашную натуру.

— Не уходи в море, Филип!¹ Пообещай, что не уйдешь, мой ненаглядный сын! — взмолилась женщина, заламывая руки.

— Почему же нет, матушка? — отозвался Филип. — Чего ради мне оставаться тут? Чтобы голодать? Клянусь Небесами, мне это не с руки. Я должен позаботиться о себе и о тебе. И чем еще мне заняться? Мой дядя ван Бреннен предложил отплыть с ним и посулил неплохое жалованье. На борту я буду счастлив, а моих доходов хватит, чтобы обеспечить тебя.

— Филип... Послушай меня, Филип. Я умру, если ты уйдешь. На всем белом свете у меня не осталось никого, кроме тебя. Дитя мое, если любишь меня — а я знаю, Филип, что ты меня любишь, — не уходи. Уж коли тебе

---

¹ В германских языках, в отличие от романских и славянских, второе «п» в этом имени отсутствует.

так нужно уйти, прошу, подумай хорошенько и не выбирай море.

Филип ответил не сразу: он продолжал насвистывать, куда его мать плакала.

— Не в том ли дело, — сказал он в конце концов, — что мой отец утонул в море? Не потому ли ты так опечалена, матушка?

— Нет! Нет! — вскричала женщина сквозь рыдания. — Лишь Господу...

— О чем ты, матушка?

— О, ни о чем, ни о чем. Но пощади меня, Господи, будь милосерден! — Мать Филипа неуклюже соскользнула с кушетки на пол, встала на колени и принялась истово молиться.

Потом она столь же неловко села обратно, и ее лицо теперь выражало решимость.

Филип, все это время задумчиво молчавший, вновь обратился к матери:

— Послушай, матушка. Ты просишь меня остаться с тобой на берегу и голодать. Это суровый выбор. Вот что я скажу. Та комната напротив заперта, сколько я себя помню, а почему — ты никогда мне не рассказывала. Но однажды я подслушал, как ты говорила... Тогда у нас не было даже хлеба, на возвращение дяди рассчитывать не приходилось, и ты впала в почти беспросветное отчаяние, как с тобою порой случается...

— Что ты услышал от меня, Филип? — прервала его мать, и ее голос дрогнул от волнения.

— Ты говорила, матушка, что в той комнате лежат деньги и они спасли бы нас, а потом вдруг заголосила, стала бесноваться и выкрикнула, что скорее предпочтешь смерть. Итак, матушка, что таится в этой комнате и почему она заперта так давно? Либо открой мне эту тайну, либо я уйду в море.

На первых словах сына женщина словно одеревенела, замерла в неподвижности, будто превратившись в ста-

тую, но постепенно ее губы разошлись, глаза засверкали. Чудилось, что дар речи ее покинул; она прижала ладонь к правому боку, как бы подавляя боль, затем стиснула обе ладони, явно силясь справиться с нестерпимой мукой. А потом вдруг обмякла, уронила голову, и из уголка ее рта потекла струйка крови.

Филип соскочил со стола и, кинувшись к матери, не позволил ей упасть на пол. Он уложил мать на кушетку и встревоженно взгляделся в ее лицо.

— Матушка! Что с тобой, матушка? — воскликнул он, явно не находя себе места от беспокойства.

Некоторое время женщина не отвечала. Она перевернулась на бок, чтобы не задохнуться, если хлынет наружу содержимое треснувшего сосуда¹, и белоснежные доски пола окрасились алым от ее крови.

— Милая матушка, поговори со мною, если можешь! — вскричал в смятении Филип. — Как мне быть? Чем тебе помочь? Боже всемогущий, да что же это?!

— Смерть, дитя мое, смерть, — выдавила наконец бедная женщина и погрузилась в полузабытье.

Филип, вне себя от страха, выбежал из дому и стал звать на помощь соседей. Двое или трое откликнулись на его призыв; едва Филип увидел, что они приступили к заботам о его матери, как опрометью бросился к дому врача, жившего на расстоянии около мили. Этот минхеер Путс, алчный и битый жизнью коротышка, славился своими познаниями в медицине. Филип добежал до дома Путса и с порога потребовал, чтобы врач немедленно отправился с ним.

— Иду, иду, — проворчал Путс, который скверно говорил на местном наречии, — но скажите-ка, минхеер Вандердекен, кто мне заплатит?

— Кто заплатит? Да мой дядя, конечно же, когда вернется домой!

---

¹ Поэтический образ рвоты.

— Значит, ваш дядя, шкипер ван Бреннен? Между прочим, он задолжал мне четыре гульдена, давненько уже задолжал. А что, если его корабль затонул?

— Заплатит он вам ваши четыре гульдена, и за эти услуги тоже заплатит! — процедил Филип в ярости. — Идемте! Пока вы со мною препираетесь, моя мать умирает!

— Увы, господин Филип, я вспомнил, что не могу пойти с вами. Мне нужно навестить сына бургомистра в Тернезе, — сказал Путс.

— Послушайте, минхеер Путс! — вскричал багровый от гнева Филип. — Сами решайте, пойдете вы добровольно или я вас отволоку ко мне домой! Со мною ваши штучки не пройдут!

Путс заметно струхнул, ведь нрав Филипа Вандерде-кена был хорошо известен.

— Я загляну к вам, когда смогу, минхеер Филип.

— Вы идете со мной прямо сейчас, старый хапуга! — рывкнул Филип, схватил врача за шиворот и потащил наружу.

— Убивают! Помогите! — завопил, болтая ногами в воздухе, Путс, не в силах вырваться из хватки крепкого молодого человека.

Филип остановился, заметив, что лицо Путса почернело от удушья.

— Мне вас силком волоочь или сами пойдете? Уж поверьте, я вас доставлю куда надо, живым или мертвым!

— Ладно, ладно, — пробурчал Путс, переводя дух. — Я пойду, но вот вы сегодня же окажетесь в тюрьме, а что до вашей матери, минхеер Филип, я бы не рассчитывал... нет, не рассчитывал...

— Знаете что, минхеер Путс? Господом Богом клянусь, коли вы со мною не пойдете, я вас задушу прямо тут. А если не позаботитесь, как должно, о моей матушке, я вас прибью. Понятно? Вы ведь знаете, я всегда держу слово, так что мой вам совет: ступайте со мной подобру-

поздорову, и вам наверняка заплатят, причем немало, даже если мне придется продать последнюю одежду.

Пожалуй, эти слова Филипа подействовали сильнее, чем все угрозы. Путс, убогий коротышка, никак не мог мериться силой с молодым человеком. Дом его стоял в уединении, посему уповать на чью-либо помощь он мог разве что в сотне ярдов от жилища Вандердекенов. Поэтому минхеер Путс благоразумно решил подчиниться: во-первых, Филип обещал заплатить, а во-вторых, деваться все равно было некуда.

Словом, когда дела уладились таким образом, Филип и минхеер Путс со всей поспешностью двинулись к дому Вандердекенов. Матушка Филипа была еще жива, и заботливые соседки смачивали ей виски уксусом, чтобы облегчить страдания. Она находилась в сознании, однако язык ей не повиновался. Путс велел перенести ее наверх и положить на кровать, потом влил в горло страждущей какой-то целебный настой, после чего по-манил за собой Филипа и сказал, что приготовит необходимое лекарство.

— Вот, минхеер Филип, — вернувшись к себе, он вручил молодому человеку флакон, — это ваша матушка должна выпить. Я же отправляюсь к бургомистру, а на обратном пути снова вас проведу.

— Не вздумайте меня обмануть, — сурово произнес Филип.

— Нет, что вы, минхеер Филип! На вашего дядю ван Бреннена в том, что касается оплаты, я не рассчитываю, но вы-то пообещали, а ваше слово крепкое, это всем известно. Через час я навещу вашу матушку, а вам следует поторопиться.

Филип не стал медлить. Вернувшись домой, он дал матери лекарство, и кровотечение прекратилось, а спустя полчаса мать уже начала разговаривать, пускай шепотом. Коротышка-доктор пришел, как и договаривались, тщательно осмотрел больную, а затем спустился вниз, на кухню, где ждал сын вдовы Вандердекен.

— Минхеер Филип... — начал Путс. — Аллах свидетель, я сделал все, что было в моих силах, но должен признаться, что не питаю особых надежд на исцеление вашей матушки. Боюсь, она протянет еще денек-другой, но не дольше, и вряд ли поднимется с постели. Это не моя вина, минхеер, — прибавил он понуро.

— Понимаю. Такова воля Небес, — отозвался Филип с печалью в голосе.

— Вы заплатите мне, минхеер Вандердекен? — уточнил врач после недолгого молчания.

— Конечно, — прорычал Филип, и вид у него был такой, словно юношу вдруг вырвали из забытья.

Врач снова помолчал и спросил:

— Мне зайти завтра, минхеер Филип? Мои услуги стоят гульден в день. Сами понимаете, вам же лучше расплатиться поскорее.

— Приходите завтра, в любое время, и назначайте любую цену — вам заплатят, — проронил Филип, презрительно скривив губы.

— Что ж, как скажете. Когда ваша матушка преставится, этот дом и вся обстановка отойдут вам и вы сможете все продать. Да, я приду. У вас будет много денег, минхеер Филип. Я бы охотно снял ваш домик, если надумаете его сдавать.

Филип вскинул руку, словно намереваясь ударить коротышку, и врач отпрянул в угол.

— Ну да, сперва надо будет похоронить вашу матушку, — льстиво произнес Путс.

— Убирайтесь, вы, ничтожество! — воскликнул Филип, прижимая ладони к лицу, и опустил на залитую кровью кушетку.

Немногим позже Филип Вандердекен сидел подле кровати, на которой лежала его матушка. Ей стало заметно лучше, и соседки, у которых было довольно собственных дел, оставили мать наедине с сыном. Обесси-

ленная кровотечением, несчастная женщина проспала много часов подряд, но даже во сне не выпускала руку Филипа, который тоскливо следил за прерывистым дыханием матери.

Вдова очнулась ото сна около часа ночи. К тому времени она обрела достаточно сил для того, чтобы возвысить голос, упавший до шепота, и обратилась к сыну:

— О, мой дорогой, мой нетерпеливый мальчик, неужели я обрекла тебя на долгое заточение?

— Я сам так решил, матушка. Не желаю тебя оставлять до тех пор, покуда ты не выздоровеешь.

— Увы, Филип, я знаю, что обречена. Я чувствую близость смерти, и поверь, сынок, когда бы не ты, я бы с радостью покинула этот мир. Ведь я умираю уже давно, Филип, и с давних пор молюсь о смерти.

— Почему же, матушка? — спросил Филип прямо. — Неужто я настолько тебя обидел?

— Вовсе нет, сынок, вовсе нет. Я благодарю Господа, что Он ниспослал мне тебя. Я часто видела, как ты смиряешь свой буйный нрав, как обуздываешь даже праведный гнев, чтобы не ранить мои чувства. Я твердо знаю, что и голод не убедит тебя послушаться материнских наставлений. Филип, ты, верно, считаешь меня глупой или думаешь, будто я обезумела, раз продолжаю упорствовать... Но я скажу это снова, без обиняков...

Вдова повернула голову, помолчала какое-то время, а затем, словно набравшись сил, заговорила вновь:

— Наверное, я и вправду порою лишалась разума... Разве не так, Филип? Одному Господу ведомо, что за тайну я храню в своем сердце, и эта тайна свела бы с ума кого угодно. Она изводит меня ночью и днем, она истощает мой дух, она затемняет мои мысли... Но теперь, хвала Небесам, брэнная оболочка надо мною более не властна! Удар нанесен, Филип, я знаю это наверняка. Я бы рассказала тебе все, но не могу, ибо тогда и твой разум окажется в опасности.

— Матушка, — ровным голосом произнес Филип, — заклиная, поведай мне эту убийственную тайну. Пусть за нею таятся псы преисподней или весь ангельский сонм — мне все равно. Небеса меня не покарают, а сатаны я не страшусь.

— Твой дух, Филип, крепок, а твой разум силен. Что ж, если кому и суждено перенять у меня это бремя, то это ты. К несчастью, сама я с ним не справилась, но, быть может, тебе ноша будет по плечу. Да, долг велит мне наконец-то открыться тебе.

Вдова умолкла, явно обдумывая то, что столь долго скрывала от сына. По ее впалым щекам струились слезы. Потом она как будто набралась решимости и пригласила себя сказать:

— Филип, я поведаю тебе о твоём отце. Считается, что он утонул в море...

— Разве нет, матушка? — изумился Филип.

— Нет, сынок.

— Но ведь он давно мертв, матушка?

— Нет. Да... И нет... — Вдова закрыла глаза.

«Бредит», — подумалось Филипу, но юноша не унимался:

— Так что с моим отцом, матушка?

Вдова приподнялась, по ее телу волной пробежала дрожь, и она ответила:

— Филип, он осужден пожизненно!

Бедная женщина откинулась на подушку и накрыла голову одеялом, будто норовя спрятаться от собственных воспоминаний. Филип же был настолько потрясен услышанным, что не находил слов. Несколько минут царил молчок, а затем, не в силах долее терпеть эту муку, Филип прошептал:

— Матушка, открой же мне тайну, молю тебя!

— Я готова все тебе рассказать, Филип. — Голос вдовы сделался торжественным. — Слушай же меня, дитя

мое. Твой отец был схож с тобою нравом. Да будет его горькая участь уроком тебе, мой милый мальчик! Он был смелым и дерзким, многие называли его отменным моряком. Родился он не здесь, а в Амстердаме, но оставаться там не мог, ибо хранил верность католической вере¹. Тебе известно, Филип, что голландцы сделались еретиками и осуждают нашу веру. Минуло уже семнадцать лет или больше, как он отплыл в Индию на своем отличном корабле «Амстердамец» с ценным грузом на борту. Это было его третье плавание в Индию, Филип, и, если бы Господь попустил, оно должно было стать последним, ибо он купил этот отличный корабль на часть своих доходов и очередное плавание обещало сделать его богачом. О, сколь часто мы с ним говорили о том, чем он займется по возвращении! И эти наши общие надежды на будущее примиряли меня с его отсутствием, ведь я любила его всем сердцем, Филип. Он всегда был со мною добр и ласков, а когда уходил в море, я не переставала молиться о том, чтобы он вернулся. Никому не пожелаю того жребия, какой выпадает женам моряков! Они многие месяцы тоскуют в одиночестве, глядят на пламя свечи, слушают вой ветра за окном, страшась беды и воли случая, воображая крушение и свое вдовство. Твой отец, Филип, отсутствовал уже полгода, и оставался еще целый долгий и скорбный год до срока, когда он должен был вернуться. Как-то ночью ты, мой мальчик, крепко спал. Ты был моим единственным утешением, отрадой в моем одиночестве. Я смотрела, как ты спишь, как улыбаешься во сне и бормочешь мое имя... Я поцеловала тебя, сонного, а потом встала на колени и принялась мо-

---

¹ Кальвинизм, одно из направлений протестантской веры, начал распространяться в Нидерландах с середины XVI века. К концу этого столетия тогдашние Нидерланды фактически разделились на две части — южную католическую (где и располагался городок Тернёзен) и северную протестантскую, с центром в Амстердаме.

литься, просила Господа благословить тебя и твоего отца. Я и не подозревала тогда, что он проклят навеки и зло простерло над ним свои крылья.

Вдова перевела дух. Филип потрясенно внимал, не замечая, что рот его сам собой приоткрылся. Он не сводил глаз с матери и жадно впитывал ее слова.

— Я оставила тебя и спустилась вниз, в ту самую комнату, Филип, что с той жуткой ночи наглухо заперта. Я села к столу и стала читать. Задувал сильный ветер, а в такую погоду женам моряков не спится, уж поверь. Полночь миновала, лил дождь... Меня одолевал беспричинный страх, и я никак не могла успокоиться. Я встала, окунула палец в чашку со святой водой и перекрестилась. Свирепый порыв ветра сотряс весь дом, и мне сделалось страшнее прежнего. Душа моя терзалась жуткими, недобрыми предчувствиями. Тут вдруг внутреннее ставни и окна разом распахнулись, свеча погасла, и я очутилась в полнейшей темноте. Я вскрикнула от испуга, но потом собрала все свое мужество и двинулась к окну, чтобы его закрыть. В тот миг, Филип, я увидела человека, медленно входящего в дом. Это был твой отец, сынок, твой отец!

— Боже милосердный! — выдавил Филип, и голос его был чуть громче шепота.

— Я не знала, что и думать... Он вошел в комнату. Тьма не отступала, однако я различала его фигуру и лицо отчетливо, как среди бела дня. Страх побуждал меня пятиться... А сердце звало обнять любимого мужа... Я замерла там, где стояла, растерянная и перепуганная. Стоило ему войти в комнату, как окна и ставни закрылись сами собой, а свеча снова загорелась. Тогда я решила, что вижу призрака, и лишилась чувств.

Очнувшись, я поняла, что лежу на кушетке, а чья-то нестерпимо холодная и мокрая рука сжимает мои пальцы. Это меня почему-то приободрило, и я выбросила из

головы все те потусторонние знаки, что сопровождали появление твоего отца. Я вообразила, что он потерпел крушение, но все-таки выжил и сумел добраться до дома. Я открыла глаза, увидела своего ненаглядного мужа и кинулась в его объятия. Его одежда насквозь промокла под дождем. Мне показалось, будто я обнимаю льдину, но ничто, Филип, ничто не способно справиться с жаром женской любви. Он позволил себя обнять, но не приласкал меня в ответ. Он молчал, только смотрел на меня — тоскливо и задумчиво.

«Виллем! — позвала я. — Виллем! Виллем Вандердекен, поговори со своей милой Катериной!»

«Да будет так, — откликнулся он, — ибо мне отпущен малый срок».

«Нет-нет, не уходи от меня опять в свое море. Пускай ты лишился корабля, но сам-то цел! Разве ты не вернулся ко мне?»

«Нет, жена. Выслушай и не перебивай, у меня мало времени. Мой корабль невредим, Катерина, зато сам я попал в беду. Не говори ничего, просто слушай. Я не мертв, но и не жив. Отныне я обречен скитаться между этим миром и обителью духов. Вот как все было.

Девять долгих недель я пытался обмануть ветра и обойти треклятый мыс Доброй Надежды, но все было напрасно, и оставалось только клясть судьбу. Еще девять недель я боролся с встречными ветрами и течениями, но земля не показывалась, и тогда я пустился кошунствовать. О, сколь кошунственным, сколь богохульным было мое сквернословие! Но я не отступался. Моя команда, изнуренная голодом и тяготами, хотела вернуться в Столовую бухту, но я отказывался. Более того, я совершил убийство, пусть непреднамеренно, но я убил человека. Лоцман выступил против меня и подговорил матросов напасть на капитана. Одержимый яростью, я ударил его, когда он схватил меня за воротник.

Он отшатнулся, а корабль в этот миг вдруг повело в сторону, и лоцман свалился за борт и утонул. Даже эта нелепая и страшная смерть меня не вразумила, я поклялся частицей Святого Креста, что заключена в ладанке на твоей шее, что превзойду в упорстве все на свете бури и моря, все молнии, сами Небеса и преисподнюю, пускай мне придется торить путь да самого светопрествавления!

Словно в ответ на мою клятву, прогремел гром, а с небес пролился сернистый огонь. Буря налетела на корабль, разрывая паруса в клочья, водяные валы обрушились на палубу, а вокруг внезапно стухнул непроглядный мрак, что окутал нас саваном, и среди этого мрака вдруг вспыхнула огненная надпись: „До самого светопрествавления!“

Послушай меня, Катерина, время мое на исходе. Еще есть крохотная надежда на избавление, именно поэтому мне позволили прийти сюда. Вот, возьми письмо. — Он положил на стол запечатанный пакет. — Прочти его, милая Катерина, и помоги мне, если сможешь. Прочти письмо и прощай — время вышло».

Окно и ставни вновь распахнулись, свеча вновь погасла, и смутный силуэт моего мужа как бы воспарил в наступившей темноте. Я вскочила, бросилась к нему с распростертыми руками, отчаянно закричала, а едва различимая фигура выплыла в окно, и мой воспаленный взор бессильно следил за тем, как она мчится прочь, гонимая порывами ветра. Наконец она превратилась в точку, а затем и вовсе исчезла. Окно захлопнулось, пламя свечи вспыхнуло, и я поняла, что осталась одна.

— Небо, смилуйся надо мною! О моя голова! Филипп! Филипп! — вскричала бедная женщина. — Не бросай меня! Молю, не бросай меня одну!

Выкрикивая все это, она ухитрилась подняться с постели, а затем упала без сил на подставленные руки сына. В таком положении бедняжка пребывала несколько

минут. Обеспокоенный ее долгой неподвижностью, Филип бережно опустил тело матери на кровать. Ее голова запрокинулась, глаза закатились, и вдова Вандердекен покинула сей мир.

ГЛАВА 2

Филип Вандердекен, юноша, крепкий телом и духом, едва не лишился чувств, когда понял, что душа его матери отлетела в горние выси. Некоторое время он сидел возле кровати, вперив взор в неподвижное тело, и его разум блуждал где-то далеко. Постепенно он пришел в себя, встал, поправил подушку, закрыл матери глаза, а потом стиснул руки, по его щекам побежали скупые мужские слезы. Он запечатлел прощальный поцелуй на бледном лбу усопшей и задернул прикроватную занавеску.

— Бедная моя матушка! — произнес он скорбно, покончив с этим. — Вот, душа твоя все же обрела покой... Но сколь горькое наследство ты мне оставила!

Мысли Филипа обратились к материнскому рассказу, и он вновь и вновь перебирал в смятенном уме жуткие картины, какие рисовало ему воображение. Юноша изо всех сил сдвинул ладонями виски и постарался успокоить мятущийся разум, дабы решить, что надлежит делать. Он чувствовал, что оплакивать утрату некогда. Да, матушка обрела покой, но какова участь отца?

Филип припомнил слова матери: «Еще есть крохотная надежда». Что же, отец оставил письмо на столе. Быть может, оно до сих пор там, в запертой комнате? Наверное, его никто не трогал, матушке не хватило смелости к нему прикоснуться. В этом письме таится какая-то надежда, однако оно лежит нераспечатанным более семнадцати лет!

Филип Вандердекен твердо решил, что проникнет в злополучную комнату. Так он, по крайней мере, узнает

все до конца. Идти сейчас или подождать до утра? И где взять ключ?

Взгляд юноши упал на высокий лакированный шкаф в японском стиле¹. Мать никогда не открывала этот шкаф в его присутствии; скорее всего, ключ спрятан именно там.

Приступив к действиям, Филип взял свечу и приблизился к шкафу. Тот не был заперт, дверцы распахнулись, и юноша принялся изучать содержимое, выдвигая ящик за ящиком. Увы, сколько Филип ни искал, ключа не попадалось, все ящики были пусты.

Юноше пришло в голову, что в шкафу может быть тайник, и он потратил некоторое время на тщетные поиски. В конце концов он вытащил все ящики до единого, свалил их на пол, приподнял шкаф и потряс. Что-то приглушенно звякнуло; очевидно, это был искомый ключ. Филип возобновил поиски, но все его старания оказались безуспешными.

За окном уже рассвело, а Филип все не прекращал своих усилий. Он надумал снять заднюю стенку шкафа, спустился в кухню и вернулся, держа в руках молоток и нож. Встав на колени, он взялся было отдирать стенку, но тут на его плечо опустилась чья-то рука.

Филип вздрогнул: он настолько погрузился в работу, а мысли его были до того взбудоражены, что он не слышал звука шагов. Вскинув голову, он увидел перед собой отца Сейзена, священника их маленького прихода; тот пристально смотрел на юношу.

По всей видимости, соседи известили пастыря о прискорбном недомогании вдовы Вандердекен и он поспе-

---

¹ Такая мебель с черной «лаковой» отделкой (на основе смолы) копировала японскую технику украшения посуды и стала появляться в Европе в XVII столетии; вообще, из описания обстановки следует, что семья Вандердекен знавала лучшие времена.

шил с утра навестить страждущую и предложить ей утешение.

— Что же, сын мой, — произнес священник, — разве ты не опасешься нарушить шумом покой своей матери? И пристало ли тебе рыться в родительском добре, когда твоя матушка еще не сошла в могилу?

— Поверьте, святой отец, покой моей матушки уже не нарушить, — ответил Филип, вставая, — ибо ныне она пребывает среди блаженных. И я вовсе не роюсь в родительских закромах. Я ищу не золото, хотя, найдись оно, всякое золото теперь мое. Я ищу ключ, спрятанный давным-давно. Наверное, его поместили в тайный ящик, добравшись до которого выше моих сил и навыков.

— Значит, твоя матушка отошла в лучший мир? Она не успела причаститься даров нашей святейшей церкви? Почему ты не послал за мной?

— Святой отец, она умерла неожиданно, совсем неожиданно, прямо на моих руках, всего часа два назад. Я не страшусь за ее душу, хотя и сожалею, что вас не было рядом в тот скорбный миг.

Священник осторожно отодвинул прикроватную занавеску и обозрел тело. Затем окропил смертное ложе святой водой, и губы его зашевелились — он читал про себя заупокойную молитву. Потом пастырь повернулся к Филипу:

— Так что же побудило тебя заняться поисками? Какая важность заключается в этом ключе, что ты кинулся его искать? Сыну, чья мать только что скончалась, надлежит оплакивать свою утрату и молиться о спасении ее души. Но твои глаза сухи, и ты занят недостойными поисками, хотя сие брэнное тело еще толком не остыло! Ты ведешь себя скверно, Филип. Зачем тебе понадобился ключ?

— Отец, мне некогда проливать слезы, некогда скорбеть и причитать. У меня много дел, и о многом нужно

поразмыслить, а мыслей столько, что голова их не вмещает. Вы знаете, что я любил свою матушку.

— Что за ключ, Филип?

— Отец, это ключ от комнаты, что была наглухо заперта много-много лет. Я должен, я просто обязан ее открыть. Даже если...

— Продолжай, сын мой!

— Я собирался сказать то, чего говорить не следует. Простите меня, святой отец. Поверьте, я должен попасть в эту комнату.

— Я давно знаю об этой комнате, сын мой, и твоя мать не пожелала раскрывать причину, по которой та заперта, хотя я спрашивал прямо. Когда же, как требует от меня мой сан, я стал настаивать на ответе, выяснилось, что ее разум находится в полном смятении, поэтому я прекратил дальнейшие попытки. Сдается мне, душу твоей матушки обременял некий тяжкий груз, но она не захотела исповедаться в этом и поделиться со мною своими тяготами. Скажи, успела ли она поведать тебе этот секрет перед смертью?

— Да, святой отец.

— Не станет ли тебе легче, если ты доверишься мне, сын мой? Я могу что-то посоветовать, подсказать...

— Отец, я бы с радостью поделился с вами и попросил вашего совета. Мне ведомо, что вы спрашиваете не из пустого любопытства, что вами движут забота и сострадание. Но то, о чем мы говорим, еще покрыто мраком неизвестности. Сам не знаю, есть ли в той комнате хоть что-то, или это плод воображения моей несчастной матушки. Если там что-либо найдется, я охотно поделюсь с вами своим открытием, и полагаю, что вы вряд ли меня за это поблагодарите. Пока же я предпочту хранить молчание, ибо сказать мне нечего. С вашего позволения, я переступлю порог проклятой комнаты в одиночку.

— Ты не боишься?

— Отец, я ничего не боюсь. Мне выпало отдать долг... Да, это горькая обязанность, но прошу вас, не спрашивайте меня далее. Как и моя бедная матушка, я чувствую, что рана, коль ее бередить, болит вдвое сильнее.

Священник пытливо взглянул на Филипа и понял, что мысли того блуждают где-то далеко, ибо взгляд у юноши был отсутствующий, а лицо сделалось каким-то пустым и отстраненным. Отец Сейзен отвернулся и покачал головой.

«Он прав, — подумал Филип, снова оставшись в одиночестве. Юноша поднял шкаф и поставил на место. — Несколько часов дела не спасут. Нужно прилечь, а то голова идет кругом».

Филип прошел в соседнюю комнату, бросился на кровать и спустя несколько минут заснул; сон его был так же крепок, каков бывает сон осужденного за несколько часов до казни.

Пока он спал, в дом пришли соседи, которые приготовили все необходимое для погребения вдовы. Они старались не шуметь, дабы не разбудить Филипа, ибо священен сон человека, которому предстоит проснуться в скорби. Среди прочих вскоре после полудня явился и минхеер Путс: его уже известили о смерти вдовы, но, располагая временем, он решил все же заглянуть к Вандердекенам в надежде присовокупить лишний гульден к причитавшейся ему плате. Сперва он прошел в ту комнату, где лежало тело усопшей, а оттуда направился к Филипу и осторожно тронул юношу за плечо.

Филип проснулся, сел на кровати — и увидел перед собой врача.

— Что ж, минхеер Вандердекен, — начал бесчувственный коротышка, — раз уж все кончено, как я вас и предупреждал, позволю напомнить, что вы задолжали мне два гульдена и обещали расплатиться. Вместе

с лекарством получится три с половиной гульдена — это при условии, что вы вернете мне флакон.

Юноша, который спросонья плохо соображал, наконец пришел в себя.

— Вы получите свои три с половиной гульдена и флакон, минхеер Путс, — холодно ответил он, вставая с постели.

— Да-да, я знаю, что вы расплатитесь, если сможете. Но послушайте, минхеер Филип, наверняка пройдет какое-то время, прежде чем вы продадите дом. Покупателя найти не так-то просто. Меня никто не упрекнет в том, что я донимаю людей, у которых нет денег, потому давайте поступим вот как. На шее вашей матушки кое-что висит. Эта вещица лишена ценности для всякого, кто не является добрым католиком. Я готов пойти вам навстречу и забрать эту безделицу. Тогда мы будем в расчете. Вы со мною расплатитесь, и все останутся довольны.

Филип слушал спокойно. Он знал, чего вожделеет этот крохобор — реликвии на шее его покойной матушки, той самой реликвии, на которой его отец принес роковую клятву. Расстаться с нею юноша не согласился бы и за миллионы гульденов.

— Убирайтесь! — отрезал он. — Чтобы духу вашего здесь не было. Свои деньги вы получите.

Минхеер Путс отлично знал, что квадратная ладанка чистого золота стоит гораздо дороже, чем он запрашивал с Филипа; знал он и то, что сможет выручить немалые деньги за саму реликвию — в ту пору подобные святыни ценились весьма высоко, и он не сомневался, что сумеет неплохо на ней нажиться. Искушаемый блеском золота, он отважился войти в чертог смерти, сорвать ладанку с шеи покойницы и спрятать у себя за пазухой. Теперь же он сказал:

— Я делаю вам щедрое предложение, минхеер Филип, и лучше бы вы его приняли. Кто еще польстится на такую ерунду?